

РОЗДІЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СОЦІОЛОГІЇ

УДК 316:303

ИДЕИ П. В. КОПНИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ УКРАИНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Кононов Илья Федорович - доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Луганского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Старобельск)

Ідеї видатного радянського філософа, засновника київської школи гуманістичної діалектики Павла Копніна розглядаються в контексті сучасної методологічної ситуації у вітчизняній соціології. Показано, що методологічна ситуація в світовій соціології характеризується розривом між емпіричним та теоретичним рівнями: емпіричні дослідження стали самодостатніми, орієнтуючись не на соціологічну теорію, а на теоретичні положення статистики. Це надало емпіричним дослідженням в соціології сервісного характеру. Теоретична соціологія розвивається, не спираючись на отримувані в емпіричних соціологічних дослідженнях дані. Її емпіричним рівнем стали дослідження істориків, державна статистика і поточна журналістика. У вітчизняній соціології ці риси, властиві розвитку світової соціології, набули гіпертрофованих форм. Внаслідок цього українське соціологічне співтовариство не змогло адекватно відповісти на виклики суспільної кризи і війни в Донбасі. Ідеї Павла Копніна можуть сприяти діалектизації методології вітчизняної соціології, дозволять поновити цілісність руху соціологічного пізнання при досягненні плінного суспільного життя.

Ключові слова: соціологія, філософія, методологія, емпіричне пізнання, теорія, Павло Копнін

Идеи выдающегося советского философа, основоположника киевской школы гуманистической диалектики Павла Копнина рассматриваются в контексте современной методологической ситуации в отечественной социологии. Показано, что методологическая ситуация в мировой социологии характеризуется разрывом между эмпирическим и теоретическим уровнями: эмпирические исследования стали самодостаточными, ориентируясь не на социологическую теорию, а на теоретические положения статистики. Это придало эмпирическим исследованиям в социологии сервисный характер. Теоретическая социология развивается, не опираясь на получаемые в эмпирических социологических исследованиях данные. Её эмпирическим уровнем стали исследования историков, государственная статистика и текущая журналистика. В отечественной социологии эти черты, свойственные развитию мировой социологии, приобрели гипертрофированные формы. Из-за этого украинское социологическое сообщество не смогло адекватно ответить на вызовы общественного кризиса и войны в Донбассе. Идеи Павла Копнина могут способствовать диалектизации методологии отечественной социологии, позволят восстановить целостность движения социологического познания при постижении меняющейся общественной жизни.

Ключевые слова: социология, философия, методология, эмпирическое познание, теория, Павел Копнин

Ideas of an outstanding Soviet philosopher, the founder of the Kiev School of Humanist Dialectic Pavel Kopnin are considered in the context of contemporary methodological situation of Ukrainian Sociology. It is shown that the methodological situation in Global Sociology is characterized by the gap between the empirical and theoretical levels. Empirical studies have become self-sufficient, focusing not on Sociological Theory, but provisions of Theoretical Statistics mostly. This gave service nature to empirical sociological studies. Theoretical Sociology is being now developed without relying on the data received in empirical sociological research. Works of historians, government statistics and media represent the empirical research level in Sociology. In Ukrainian Sociology, these traits, inherent to the development of the Global Sociology, acquired hypertrophic forms. Due to this problem, Ukrainian sociological community failed to

adequately respond to the challenges of social crisis and war in Donbass. Not only can Pavel Kopnin ideas contribute to developing dialectical nature of methodology of Ukrainian Sociology, but also allow restore the integrity of the movement of sociological knowledge when examining changing social life.

Keywords: *sociology, philosophy, methodology, empirical knowledge, theory, Pavel Kopnin*

«Общественный организм – наиболее сложное явление, с которым столкнулась научная мысль. Познать и обуздать самые грозные силы природы оказалось легче, чем постигнуть законы жизни людей, научиться управлять общественными процессами»

(Павел Копнин [1, с. 394])

«Методу принадлежит решающая роль в построении системы науки, поскольку в нем раскрывается её идея»

(Павел Копнин [2, с. 398]).

27 июня 2016 г. исполнилось 45 лет со дня смерти Павла Васильевича Копнина (1922 – 1971). Дата эта в Украине прошла практически незамеченной. Между тем, речь идет о человеке, без вклада которого невозможно понять интеллектуальный ландшафт нашей страны. Он приехал в Киев молодым 36-летним доктором философских наук. Мирослав Попович писал: «Приезд П. В. Копнина в Киев очень скоро резко изменил атмосферу философской жизни в нашем городе. Сочетание независимости и демократизма, свойственные его поведению, были совершенно необычны для нравов эпохи, но дело не только в этом» [3]. Дело было еще и в личностной позиции, которую выдающийся философ демонстрировал сам и хотел её видеть у других. Работая в Киевском политехническом институте и в Киевском университете имени Тараса Шевченко, Павел Копнин находит единомышленников среди талантливой молодежи. Когда в 1962 г. он возглавил Институт философии АН УССР, они стали сотворцами киевской школы гуманистической диалектики. В связи с этим можно упомянуть Владимира Шинкарука, Мирослава Поповича, Сергея Крымского, Владимира Лобаса, Вадима Иванова и многих др.

За шесть лет, в течение которых П. Копнин возглавлял киевский Институт философии, этот академический институт из одиозного идеологического учреждения превратился в самостоятельный центр философской мысли. Сам будучи человеком-институтом, П. Копнин генерировал идеи, объединял людей для решения сложнейших задач научного познания, практикуя современные формы менеджмента. Ему удавалось отстаивать творческие направления развития марксистской философии, в которых видели угрозу партийные функционеры. Главным направлением деятельности коллектива киевского Института философии он сделал философский анализ научного познания, его передовых направлений.

Для самого П. Копнина именно киевский период жизни был наиболее плодотворным. Здесь он сформулировал свои главные идеи, в Киеве вышли его труды, в которых они были изложены. В 1968 г он стал директором Института философии АН СССР и переехал в Москву. Ему оставалось прожить чуть более трех лет. Жизнь выдающегося философа оборвалась в 49 лет.

Magnus opus Павла Копнина – последняя вышедшая при его жизни работа «Философские идеи В. И. Ленина и логика». В ней он обобщил большинство своих идей, обоснованных в предыдущих работах. Эта монография вызвала неприятие партийных догматиков. Вокруг работы разгорелась дискуссия, в которой ведущие философы и логики СССР поддержали П. Копнина [3]. Дискуссия заставила ученого оттачивать свою аргументацию. Он редактировал книгу, готовя её второе издание. Оно появилось под названием «Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования» в 1973 г. [4]. В этом же году был издан сборник статей философа «Диалектика, логика, наука», подготовленный к печати коллективом сотрудником Института философии АН СССР под руководством академика Бонифатия Кедрова. В 1974 г. свет увидел еще один том сочинений П. Копнина «Гносеологические и логические основы науки» [5]. До настоящего времени этот трехтомник является наиболее полным изданием работ ученого.

Большую роль в сохранении идей П. Копнина в фокусе теоретической рефлексии сыграл академик Владислав Лекторский, издавший в 1982 г. сборник его работ «Проблемы диалектики как логики и теории познания» [6].

В период перестройки, а затем во время катастрофы социализма в СССР и становления капитализма полупериферийного и периферийного типов в бывших советских республиках, идеи П. Копнина оказались на маргине научного внимания. Лишь в последние 10 – 15 лет можно наблюдать постепенный рост интереса к ним. В университетах, где работал ученый, начинают проводиться конференции, посвященные его наследию [7]. В России издана книга о П. Копнине, подготовленная под редакцией директора Института философии НАН Украины академика М. Поповича [8]. Труды Павла Копнина привлекают внимание китайских исследователей [9].

Синусоидальная траектория внимания к наследию того или иного мыслителя – не редкость в развитии общественного сознания. Новый всплеск интереса к творчеству Павла Копнина обусловлен тем, что в Украине, как и в других странах, бывших когда-то республиками СССР или входивших в социалистический лагерь, на смену рецепции западных идей и идей эмигрантов, вновь становится актуальным поиск преемственности в развитии общественной мысли. Это распространяется и на методологические идеи: наука, отбросившая свою историю, становится бесплодной.

Михаил Розов обосновал представление о науке как о сочетании двух типов программ – исследовательских и коллекторских. Первые из них нацелены на получение нового знания, а вторые – на его упорядочение, на ориентацию знания на потребителя. О последнем типе научных программ сами ученые часто не догадываются. М. Розов писал: «С одной стороны, они определяют референцию знания, которое нас интересует: о чем оно, о лесе или о горных породах, с другой, – тип содержания или репрезентации: что мы хотим знать о горных породах, их физических свойствах или химическом составе. Напрашивается, конечно, еще и третий вопрос: Как? Как мы можем получить требуемые знания? Но этот вопрос интересует уже не потребителя, а производителя» [10]. Научные программы в своем основном массиве существуют как социальные эстафеты, представляющие собой «...передачу опыта от человека к человеку, от поколения к поколению путем воспроизведения непосредственных образцов поведения или деятельности» [10]. Именно потому наука для своего успешного развития нуждается в непрерывности познавательных эстафет. Именно поэтому для неё смертельно опасно разрывать эти живые единства. Если же такие ситуации возникают, то в культуре срабатывает защитный механизм, стремящийся восстановить разорванную эстафету.

Если говорить об идеях П. Копнина, то пока в такой работе заняты только философы. Между тем, он сделал главным предметом своего внимания методологию научного познания. Интенцией своих усилий он видел творческое развитие наук, включая социологию. Возможно, именно для социологов особенно актуальным является новое прочтение работ П. Копнина и интерпретация его идей в контексте методологических проблем социологии. Последнее следует подчеркнуть особо. Каждое прочтение текстов великих мыслителей – это их интерпретация, обусловленная актуальными для интерпретатора проблемами.

Целью данной статьи является выявление эвристического потенциала идей Павла Копнина для решения современных методологических проблем социологии.

К достижению поставленной цели нас должно привести решение нескольких задач. Во-первых, мы попытаемся кратко определить современную методологическую ситуацию в отечественной социологии. Во-вторых, анализируя спор о социологии в советской науке, активным участником которого был П. Копнин, выясним, как результаты этой дискуссии отзываются в нашем социологическом сообществе. В-третьих, мы проанализируем эвристический потенциал методологических идей основоположника киевской школы гуманистической диалектики для развития социологии.

Методологическая ситуация в отечественной социологии

Украинская социология существует в мировом контексте. Это толкает к практически необъятной теме о методологической ситуации в мировой социологии. Избежать этой ловушки можно, лишь прибегнув к крайней лапидарности изложения.

Со времен Джорджа Гэллага западная социология развивается не только как теоретическая дисциплина, но и как институт демократии. Это обстоятельство стало причиной притока в социологию инвестиций, но они пошли в основном на развитие технологий и техник изучения общественного мнения. Социологи составили большую профессиональную группу, а социология начала производить лавины информации, сопровождающие текущий политический процесс и рыночную деятельность. Одновременно

с этим в упадок начала приходит теоретическая составляющая науки, целью которой является системное объяснение общества. Возникла ситуация растягивания предметного поля социологии между социальной философией и социальной психологией. Остроумный на тот момент выход предложил Роберт Мертон. Он состоял в том, что основную роль в социологии должны играть так называемые «теории среднего ранга», которые призваны быть эмпирически ориентированными, способными выдвигать все новые гипотезы, которые проверяются эмпирическими исследованиями и становятся основой для выдвижения новых проверяемых гипотез. Американский социолог не отрицал необходимость общей социологической теории, но считал, что она может сложиться на основе специальных теорий когда-то в будущем [11].

Мертоновская идея в определенной мере стабилизировала предметное поле социологии, способствовала появлению множества концепций, объясняющих отдельные стороны общественной жизни. С другой стороны, это задавало экстенсивный путь развития нашей науки, обусловив фрагментацию её структуры. Сейчас существуют сотни специальных и отраслевых социологий, что ведет в дурную бесконечность, ведь вслед за, скажем, социологией спорта, можно создавать социологии футбола и тенниса, а социология медицины может породить социологию стоматологии и социологию хирургии.

Дробление структуры социологии своим следствием имело повышение веса метасоциологического знания, прежде всего его методологической составляющей. В этот период были совершены важные методологические и методические открытия и сделаны изобретения. Так, психолог Стэнли Стевенс в 1940-е гг. разработал учение о шкалировании и типах шкал, которое в социологии стало классическим [12]. Одной из ключевых фигур в социологии того времени был Пол Лазарфельд, разработавший принципы использования математического аппарата в социологических исследованиях [13]. Социологи создавали новые методы получения первичной социологической информации. Так, Роберт Мертон, Марджори Фиске и Патрисия Кендалл в период Второй мировой войны обосновали и использовали для изучения влияния пропагандистских и обучающих фильмов на американских солдат метод фокусированных групповых интервью. С 1960-х годов социологи США начали использовать экзит-поллы для выяснения исхода выборов в день их проведения и для демократического контроля за их ходом [14, с. 10].

Бесспорные достижения эмпирической социологии парадоксально (или диалектически) сочетались с сужением временного горизонта прогнозов для развития социальных процессов, с заменой теории обобщениями эмпирического уровня. Даже такие книги, которые западные ученые привыкли считать этапными (примером может служить «Грядущее постиндустриальное общество» Даниела Белла), не вышли за этот уровень [15]. Социология, утратившая теоретические ориентиры, все больше превращалась в отрасль социальной статистики.

Кроме того, социология как массовая профессия все больше приобретала сервисный характер с тенденцией сервильности. Считавший такое направление деятельности единственно научным, Геннадий Батыгин выразил его дух так: «...Для сохранения единства исследовательской программы социологии имеет смысл хотя бы иногда отстраняться не только от пола, но и от теоретических убеждений (в той мере, в какой убеждения переросли в заинтересованность)» [16, с. 28].

В социологическом сообществе США с 1970-х гг. распространяются настроения, которые Алвин Гоулднер выразил названием своей книги «The Coming Crisis of Western Sociology» [17]. Петер Бергер в начале 1990-х гг. подсчитывал провалы американских социологов, которые не смогли не только предвидеть экономический рост Японии, а затем и Китая, распад СССР, но и возрастание значения религии в современном мире [18].

Однако, возрождение теоретической социологии на Западе началось вне тогдашнего мейнстрима. Оно выросло из исследований отсталости стран Третьего мира, ориентировалось на историю как на свою эмпирическую базу и методологически было версией исторического материализма. Имею в виду направление, которое после работ Иммануила Валлерстайна получило название мир-системного анализа. Оно представлено работами таких авторов как Андре Гундер Франк, Джованни Арриги, Самир Амин, Андрей Коротяев, Георгий Дерлугьян и др.

Последний из названных ученых считает, что именно в 1960-1970-е гг. в социологии были сделаны принципиальные открытия, стимулировавшие формирование новых направлений теоретизирования. Вслед за Рэндаллом Коллинзом он к ним относит: новую теорию возникновения и развития государства (Чарльз Тилли, Стайн Роккан, Майкл Манн, Перри Андерсон и др.), новую теорию революции и гражданского общества (Теда Скочпол, Джек Голдстоун и др.), нишевую теорию рынков (Майкл Портер и др.) и миросистемную перспективу [19, с.333]. Эти теоретические направления возникли в контексте борьбы против догматизма, будучи моментом мирового освободительного порыва 1968 года. Г. Дерлугьян пишет: «Социологическая наука и на Западе, и в

соцлагере в начале 1960-х гг. одновременно столкнулась с внутренним сопротивлением, переходящим в восстание. Восстание было направлено против ортодоксального канона, который оформился с обеих сторон в основном в 1930 – 1950-е гг.» [19, с.266].

Г. Дерлугьян перечисляет только близкие ему теоретические перспективы. К ним, с моей точки зрения, нужно добавить теорию Второго модерна (У. Бек, З. Бауман) и экологическую социологию (У. Каттон мл., Г. Бейтсон, О. Яницкий). Они тоже сложились как ответ на проблематизацию социальной действительности, на которую невозможно было реагировать старыми методами. Идеи П. Копнина тоже явились моментом этих общемировых интеллектуальных сдвигов.

Новые теоретические направления отбрасывают точку зрения методологического национализма, когда главной единицей анализа и местом мест для всех других социальных явлений рассматривается национальное государство. Но в целом в мировой социологии старая оптика видения социального мира остается доминирующей. Скажем, изучая классы, до сих пор «исследователи фиксируют вариативность институциональных и культурных условий и классовой структуры в разные исторические периоды и в сопоставлении с разными типами национальных обществ» [20, с. 8].

Следует заметить, что сохранению старых подходов в западной социологии способствует ряд обстоятельств. Первым из них является сама организация научного сообщества, которое находится под постоянным давлением университетских требований продуцирования цитируемых текстов. Сюда же следует отнести и условия фондов, которые выдают гранты на исследования, а также условия публикации в рецензируемых журналах.

Мировая социология является иерархичной и в своей структуре повторяет структуру мировой капиталистической системы. Этим обусловлено доминирование в современных социологических публикациях английского языка, структурно навязываемая престижность западных концепций и западных методик [21].

Украинская социология не выделяется из мирового контекста ярко выраженным своеобразием. Завершив свою институционализацию в 1990-е гг., наша социология с того времени уверенно стала на путь экстенсивного развития, заимствуя западные теоретические веяния и увеличивая число теорий среднего ранга. При этом западные влияния приобретают характер неких интеллектуальных эпидемий: то все ратуют за публичную социологию в понимании Майкла Буравого, то заболевают Actor–Network Theory.

Украинские социологи преимущественно занимаются эмпирической социологией. Среди защищенных диссертаций лишь около 2% посвящены вопросам теории и методологии [22, с. 214]. Эта диспропорция сформирована и закреплена постоянным недофинансированием украинской науки. В 2015 г. в госбюджете на финансирование науки было выделено 5 млрд. грн., что составляло примерно 200 млн. евро. На Западе такой бюджет имеют университеты. В Румынии и Польши, для сравнения, в том же году на финансирование науки было выделено один и пять млрд. евро соответственно. В 2016 г. в госбюджете заложено сокращение финансирования науки даже в текущих ценах [23, с. 82 - 83]. Иные источники финансирования исследований для социологов связаны с выполнением сервисных функций. Заказчиками в этом случае выступают представители политической или экономической элиты, которых интересуют текущие вопросы.

Теория в таком контексте начинает восприниматься как доксография, то есть учет мнений тех, кто что-то писал по той или иной теме. Закреплению такого понимания способствуют и «ВАКовские требования» к статьям.

В эмпирических исследованиях и в публикациях их результатов доминирует популярный функционализм. Реальной основой такой деятельности является статистика, а не та или иная социологическая теория. В нашем социологическом сообществе возникло серьезное рассогласование между знанием о социологических парадигмах и реальной связкой «метод – теория». Статистика, как тайная основа эмпирической социологии в нашей стране, задает номиналистическую перспективу восприятия социальной реальности [24].

Распространение получила точка зрения, согласно которой именно методы являются отличительным признаком социологии. Такой взгляд мэтры нашей науки, конечно, вслух не высказывают, но его как несомненную истину излагают молодые ученые. Лина Малыш пишет: «Даже поверхностный анализ социологических текстов позволяет заметить, что наиболее продуктивным путем поиска демаркационной линии, которая бы сделала возможным отмежевание социологии от не-социологии и не-науки вообще, является описание специфики её методов, поскольку среди ученых отсутствует единство в понимании предмета науки, его основных черт, которые должны определять фокус анализа» [25, с. 65 -

66]. Излишне говорить, что поверхностным анализом социологических текстов невозможно определить предметное поле науки, а импликация, предполагающая, что отсутствие согласия в научном сообществе позволяет проводить демаркацию с помощью методов, является ложной.

Серьезнейшим испытанием для нашей социологии стал острый общественно-политический кризис конца 2013 – начала 2014 гг. и последовавшая за ним война в Донбассе. Применение в зоне АТО отработанных опросных методов начало давать неоднозначные результаты. Общественное сознание демонстрировало многослойность, многовекторность, вариативность и способность к фазовым переходам при резком изменении ситуации. При взаимодействии с интервьюерами респонденты демонстрируют повышенные мимикрические реакции [26]. Динамика массового сознания задаётся преимущественно мемами и мемplexами [27], а само массовое сознание стало ареной информационной войны [28]. Массы населения оказались втянутыми в подрывные технологии [29]. Эта новая реальность пока не нашла адекватного отражения в работах украинских социологов. Неслучайно по большинству социологических изданий в будущем трудно будет представить, что происходило в Украине с весны 2014 года. Единственной книгой о войне, написанной социологом, остается книга Игоря Рущенко «Російсько-українська гібридна війна: погляд соціолога» [29].

Ситуация вопиет о новых методологических ориентирах. Но прежде, чем перейти к ним, оглянемся в прошлое и посмотрим, не там ли находил корни нынешнего положения.

Советский спор о социологии и позиция П. Копнина

Наша социологическая традиция не прямо и не непрерывно тянется от Огюста Конта и Михаила Драгоманова. Она меняла направление своего развития и прерывалась на длительное время. Вначале после революции 1917 г. в стране за несколько лет была ликвидирована вся «буржуазная» социология, а затем прекратила свое существование и социология марксистская. Современная научная эстафета в отечественной социологии началась с конца 1950-х. Для Украины она является общей с другими бывшими советскими республиками и частично со странами социалистического лагеря. Прецедентными текстами для этой эстафеты стали «Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения» Бориса Грушина (1967 г.) [30] и «Стратегия социологического исследования» Владимира Ядова (1968 г.) [31]¹.

Для появления подобных книг в идейной жизни тогдашнего СССР должны были произойти серьезные сдвиги. Чтобы их понять, обратимся к спору о социологии, который с перерывами продолжался в советской философии с 1920-х годов. Георгий Дерлугьян справедливо заметил, что если на современном Западе наиболее идеологичной и одновременно наиболее прикладной наукой является неоклассическая экономика, то «для коммунистических партий и государств аналогичную роль играла философия, достигшая положения мета-дисциплины, вобравшая в себя едва не целиком все знание об обществе» [19, с. 265]. Именно поэтому и судьбу социологии решали философы.

Спор о социологии в советской философии имел несколько аспектов. Первый из них можно назвать догматическим. Основоположники марксизма неоднократно высказывались негативно о социологии и о её отце-основателе О. Конте. К. Маркс, например, его характеризовал убийственно: «Конт известен парижским рабочим как пророк режима империи (личной диктатуры) — в политике, капиталистического господства — в политической экономии, иерархии во всех сферах человеческой деятельности, даже в сфере науки, и как автор нового катехизиса с новым папой и новыми святыми вместо старых» [33, с. 460].

Классики марксизма не всегда демонстрировали негативное отношение к самому термину «социология», порой относя его и к своему учению об обществе. Так, молодой В. Ленин писал: «...Маркс с самого начала своей литературной и революционной деятельности с полнейшей определенностью заявил свои требования от социологической теории: она должна точно изображать действительный процесс — и ничего более (ср., напр., «Коммунистический манифест» о критерии теории коммунистов)» [34, с. 179]. Для В. Ленина вообще слова были не важны. Он и в дальнейшем использовал применительно к историческому материализму термин «социология», но в реальности рассматривал марксистское учение об обществе как часть философии. Об этом достаточно красноречиво говорит такая выдержка из «Материализма и эмпириокритицизма»: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с

¹ Название книги В. Ядова привожу в версии, которая стала классической. В 1968 году в Тарту её первое издание вышло под названием «Методология и процедуры социологических исследований» [32, с. 48]

кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем диалектический *материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на историческом *материализме*» [35, с. 350].

Тексты основоположников марксизма в СССР были канонизированы. Социология в этом контексте попала в весьма щекотливое положение. Конттовская позитивистская версия социологии истолковывалась как «буржуазная», исторический материализм назывался социологией марксизма, но как бы иносказательно. Социология здесь выступала просто синонимом общего учения об обществе. Строго же исторический материализм истолковывался как философское учение, составная часть философии марксизма, которая одновременно провозглашалась единственно верным пониманием общественной жизни. И от термина «социология» избавиться было невозможно, и признать социологию как отдельную науку тоже не представлялось допустимым.

Вторая сторона спора о социологии касалась предметной матрицы марксистского обществознания. В нем социологии не находилось места в силу особого распределения самого исследовательского поля. Философской теорией общества признавался исторический материализм, экономическую его жизнь в рамках определенных общественных форм изучала политическая экономия, а переход от капитализма к социализму и становление коммунистической формации достался в качестве предмета научному коммунизму. При таком разделении предметного поля социологии места не оставалось.

Третий аспект спора касался практического влияния социологии на практику классовой борьбы и строительства нового общества. Социология рассматривалась в качестве науки, претендующей на объективность, а в силу этого изначально критичной, а поэтому враждебной делу строительства нового мира.

Наиболее полно аргументы против существования марксистской социологии в 1920-е годы сформулировал академик Иван Луппол (1896 -1943). Этот автор, не вдаваясь в различия существовавших на тот момент социологических парадигм, конструировал некий образ социологии, с которым в дальнейшем и боролся. Он первым четко продумал три аргумента против социологии: 1) от практики классовой борьбы; 2) от догматики, то есть от герменевтики текстов классиков марксизма-ленинизма; 3) от новой дисциплинарной матрицы марксистского обществознания. Социологии в первом случае он априорно вменял в вину абстрактность, откуда следовал вывод: «...Независимо от направления, по самой структуре своей, социология, как абстрактная наука об обществе, вообще неприемлема для марксизма. Нет и не может быть социальной науки, обращающейся к многообразной общественной действительности с универсальными схемами и рецептами. Соответственно этому, нет и не может быть абстрактной науки о тактике пролетариата вообще; во всяком случае, такая «наука» не обладала бы никакой действительной ценностью» [36, с. 193]. Из такого видения следовали обвинения социологии в созерцательном объективизме, который уводит трудящихся от верной дороги классовой борьбы. Все это отливало в банальные обвинительные сентенции: «Вполне естественно, что ошибки в действии обходятся гораздо дороже, чем ошибки в знании» [36, с. 198].

И. Луппол, громя социологию, прибегал к интеллектуальной подмене, отождествляя социологию как науку с социальной философией: «В наших глазах, как и в глазах всякого марксиста [И.К.], понятие «социология» играет в значительной степени аналогичную роль с понятием «философия», разница лишь в том, что если «философия» обращалась ко всей действительности в целом с целью все разъяснить и всему навязать свои схемы и рецепты, то социология обращается к общественной действительности, но с той же целью – все разъяснить и всему навязать свои схемы и рецепты; и в этом смысле буржуазная «научная социология» ничуть не превосходит и не лучше социальной философии или «философии истории» старого времени» [36, с. 164]. Эти измышления подкрепляются интерпретацией идейной эволюции В. Ленина: «Понятие «социология» (от которого Ленин отказался в более поздних работах) Ленин употребляет в ином смысле, примерно в таком же, в каком мы и по сей день употребляем понятие «философия», именно в смысле *методологии* познания определенных специфических, именно социальных явлений» [36, с. 164].

И. Луппол доказывал, что новая номенклатура общественных наук не оставляет социологии места: «Из всех терминов, которые марксизм принимает для выявления своих различных сторон, теория научного коммунизма стоит ближе всего к «социологии». Если угодно, именно теория научного коммунизма и есть «марксистская социология». <...> ...Приближаясь по форме больше всего к

«социологии», теория научного коммунизма по существу, как раз упраздняет социологию. Таким образом и с этой стороны термин «социология» следует признать в глазах марксиста неудачным» [36, с. 167].

Мы не знаем, пересмотрел ли академик Луппол, умирая от голода в Мордовском исправительно-трудовом лагере, свою сентенцию, что «нельзя считать насилие абсолютным злом, ибо абсолютного зла нет» [36, с. 227], однако И. Сталин и сталинисты продолжали использовать его аргументы против социологии. Уже никакие различия в словоупотреблении слова «социология» в текстах К. Маркса и В. Ленина не могли спасти социологию от выкорчевывания из сталинского идеологического питомника, в который превратилось обществознание в СССР.

Лишь с дозированным размораживанием марксизма, последовавшим после XX съезда КПСС, спор о социологии возобновился в советской философии. Одним из активных его участников стал Павел Копнин. Он всегда высказывался против догматизма и идеологического диктата в науке, ибо, по его мнению, «это не только тормозило развитие отдельных областей научного знания, мешало возникновению новых направлений в науке, но и создавало превратное представление о существе марксистско-ленинской философии в её отношении к конкретным наукам» [5, с. 14]. Философ прекрасно чувствовал, что не все из осторожно сказанного в приведенной фразе относится к прошлому. Когда он высказывался за то, чтобы развивать марксизм, включая идеи В. Ленина, применительно к новым условиям, то, по его словам, «иногда некоторых при одном слове «пересмотр» охватывает догматический страх» [2, с. 11].

Будучи директором киевского Института философии, Павел Копнин был одним из инициаторов разворачивания в Украине того, что тогда называли «конкретными социальными исследованиями». Любопытно сейчас читать такое его определение: «...Социологические исследования – это разновидность социальных исследований, проводимых для разработки проблем исторического материализма, являющегося социологией марксизма-ленинизма» [1, с. 400].

П. Копнин был убежденным марксистом и исходил из устоявшейся к тому времени в СССР дисциплинарной матрицы общественных наук. Отсюда противоречия в его представлениях о социологии. С одной стороны, он повторяет позицию, впервые определенную И. Лупполом. Так, П. Копнин писал: «Существует взгляд, согласно которому в марксизме, кроме философии, включающей исторический материализм, политической экономии и научного коммунизма, должна существовать еще общая социология – наука об обществе вообще. Социологические исследования и являются такой социологией. Нам представляется такой взгляд неверным. И если кто-либо будет пытаться создать такую социологию, то она будет либо повторением одной из этих наук: исторического материализма, политической экономии, научного коммунизма или их соединением в различных пропорциях» [1, с. 396]. Далее он как бы все взвешивает и делает заключение: «Какая возможна еще общая теория общественного развития, с какой стороны она должна его характеризовать? Думается, что места для неё не осталось» [1, с. 397].

Это повторение П. Копниным сталинской догматики вовсе не было обусловлено боязнью знаний о реальном положении дел в советском обществе. Ученый всегда подчеркивал, что «наука должна брать действительность такой, какой она реально существует» [1, с. 402]. Он активно ратовал за то, чтобы эмпирические исследования не ограничивались заводами и колхозами. Он писал, что «...надо не только давать качественную оценку происходящих в нашей стране процессов, но и найти точные количественные способы их измерения» [2, с. 74].

Впрочем, П. Копнин начинал говорить о социологии и в позитивном смысле: «Социология должна видеть, как эти наиболее общие законы общественного развития выступают в нашей действительности, и с этой целью проводить конкретные социальные исследования» [1, с. 400]. Своих коллег, которые занимались этими исследованиями, он без обиняков называет социологами, говоря: «Я бы выбрал для украинских социологов такой её аспект: изменение социальной структуры нашего общества в процессе коммунистического строительства» [1, с. 403].

Занимаясь проблемой изучения науки как социального института и логической системы, П. Копнин безо всяких оглядок на догматику писал: «Уже сейчас исторически сложились два подхода к изучению науки, методы которых различны: социологический и логический» [5, с. 290]. Ясно, что в данном контексте социология не рассматривается как синоним исторического материализма, а социология науки видится отдельной научной дисциплиной. Ученый подчеркивает недопустимость подмены социологии науки философией: «Если гносеология и логика исходят из данного, что наука – это форма общественной деятельности человека, что она носит социальный характер, то социология науки, наоборот, из философии берет в готовом виде положения об особенностях науки как системы знания. Не подменяя друг друга, они имеют свой предмет и исследуют его созданными ими методами» [5, с. 293].

Конечно, с современных позиций мы можем сказать, что П. Копнин часто демонстрировал непоследовательность. Так, признавая социологию науки, он повторял мантру о том, что только «с материалистического понимания истории начинается подлинная наука об обществе» [2, с. 72]. Так называемые социальные исследования он рассматривал как способ получения эмпирической информации для всего спектра марксистского обществознания: «Социальные исследования – не замена наук об обществе: философии, политической экономии, научного коммунизма, а способ их развития, они могут служить средством развития современного социального мышления, средством борьбы против его догматизма» [2, с. 74]. Ученый не останавливался даже перед совершенно еретическими для философа утверждениями. Например, он писал: «Прежде всего философия сама и для своих целей должна проводить социальные исследования» [2, с. 75]. Остается надеяться, что он здесь исходил из советской расширительной трактовки философии, имея в виду исторический материализм.

П. Копнин как руководитель академического института высказывался за начало подготовки в Украине специалистов по методологии и методике конкретных социальных исследований [1, с. 404]. В связи с этим он набросал своеобразный план дальнейших работ: «Логико-гносеологический анализ методов социального исследования (анкетирования, интервьюирования, наблюдения и т.п.), выявление сущности и специфики социального эксперимента, разработка проблем моделирования социальных процессов, особенностей построения социологической теории и путей её проверки, изучения современных способов обработки полученной информации и т.п. – вот задачи тех, кто занимается методологией и методикой социальных исследований» [2, с. 76]. Если отвлечься от появившегося в этом высказывании требования построения социологической теории, то трудно отделаться от мысли, что В. Ядов при подготовке своей «Стратегии социологического исследования» руководствовался именно этой программой. Конечно, я не утверждаю, что В. Ядов воспринял эту программу из книги П. Копнина. Скорее всего, эти идеи «витали в воздухе». Но факт остается фактом: программа развития «социальных исследований» стала главной программой развития советской и украинской социологии на долгие годы. Поэтому не только мировому контексту мы обязаны преобладанием в нашей науке эмпирических исследований.

Эвристический потенциал методологических идей П. Копнина для социологии

Павел Копнин считал, что любая наука с логической точки зрения должна быть своеобразной машиной по производству нового объективно-истинного знания. Наверное, даже будет точнее сказать, что он видел её логической саморазвивающейся системой знания. Направленность самодвижения познания в той или иной науке задается системой её категорий, очерчивающих её предметное поле, а категориальная сеть науки опирается на систему философских категорий. «Творческая способность разума покоится на синтезе, а в основе последнего лежат категории мышления. Но категории способны не только направлять мысль на образование новых понятий и теорий в науке, но и, осваивая их, менять свое собственное содержание, образовывать другие категории. Только таким путем мышление способно переходить границы в познании, постигать такие его объективные свойства, которые ранее казались непостижимыми» [5, с. 327].

С этим связано и понимание предмета науки, которое П. Копнин сформулировал в споре со сторонниками так называемых комплексных наук. Он писал: «Наука – не простая совокупность всех знаний о том или ином объекте, а определенная система их, на основе которой возникает метод движения человеческого познания» [5, с. 290]. Метод он связывал с фундаментальными законами: «...Науки возникают не путем деклараций, а в результате открытия фундаментальных закономерностей, на основе которых создается метод для изучения большой совокупности явлений, имеющих жизненно важное значение» [5, с. 288].

История социологии подтверждают эти выводы философа. Социология как наука стала возможной лишь тогда, когда было признано, что общество представляет собой особую реальность, отличающуюся и от природного мира, и от психофизического устройства индивидов. Эмиль Дюркгейм писал: «Эта наука в действительности могла родиться только в тот день, когда появилось предчувствие, что социальные явления, не будучи материальными, все же представляют собой реальные вещи, допускающие исследование» [38]. Отсюда и знаменитое методологическое требование дюркгеймовского социологизма: «Нам нужно, следовательно, рассматривать социальные явления сами по себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов. Их нужно изучать извне, как внешние вещи, ибо именно в таком качестве они предстают перед нами» [38]. Утверждение самостоятельности общественной реальности было первой формулировкой фундаментального закона, определившего предметное поле социологии и её методологические принципы. Эмиль Дюркгейм давал и производные его формулировки. Например, он

писал: «Исходными причинами коллективных представлений, эмоций, стремлений являются не состояния сознания индивидов, а условия, в которых находится социальное тело в целом. Конечно, они могут реализоваться лишь при условии, что индивидуальные свойства не противятся этому; но последние являются лишь бесформенным веществом, которое социальный фактор определяет и преобразует» [38].

Павел Копнин был уверен, что только целостное представление о процессе научного познания может дать ученым надежную методологическую основу. Он был убежден, что научное познание может приобрести черты завершенности, если оно востребовано социальной практикой. «Схему движения познавательного процесса от начала до конца в смысле завершения некоторого цикла можно представить в следующем виде: объективная реальность – практика – знание – практика – объективная реальность ($O_1 - P_1 - Z - P_2 - O_2$)» [5, с. 243]. Несмотря на видимую простоту этой схемы, она очень важна для понимания ситуации в социологии. Если полученные знания не превращаются в момент социальной практики, они лишаются импульса дальнейшего развития. Они оседают в виде некоего невостребованного осадка, в лучшем случае функционируя наряду с мнениями, не прошедшими проверку на истинность. Такие знания не становятся основой теоретических обобщений и не обладают импульсом к саморазвитию. Для социологии эти условия может создать только включение в целостный процесс общественной жизни, осуществляемый в политической форме. Востребованность социологии зависит от государственной политики и от наличия в политическом процессе таких субъектов, которые выражают интересы больших социальных групп. Периферийный капитализм (увы!) – плохая среда для развития нашей науки.

Научное познание предполагает единство двух своих уровней – эмпирического и теоретического, ибо «...чисто эмпирические работы, погоня за научными результатами независимо от их характера и значения могут захлестнуть науку и стать даже тормозом её развития» [5, с. 205]. П. Копнин подчеркивал, что эмпирическое и теоретическое отличаются не так, как чувственное и рациональное в человеческой психике. Он подчеркивал: «Эмпирический и теоретический уровни отличаются друг от друга тем, как и с какой стороны в них дан объект, каким образом и способом достигнуто основное содержание знания, что служит логической формой его выражения и, наконец, практической и научной значимостью знания» [5, с. 195].

Руководствуясь этими критериями, философ дает характеристики обоим уровням научного знания. По его мнению, «в эмпирическом знании объект отражен со стороны его внешних связей и проявлений, доступных живому созерцанию. Логической формой эмпирического знания являются отдельно взятые суждения, или их некоторая система, описывающая явление. Практическое применение эмпирического знания ограничено, а в научном отношении оно является некоторым исходным пунктом в построении теории» [5, с. 195].

Движение знания как общественный процесс предполагает переход от эмпирического к теоретическому. «Теоретическое знание отражает объект со стороны его внутренних связей и закономерностей движения, постигаемых путем рациональной обработки эмпирического знания. Его логической формой является система абстракций, объясняющая объект. Практическое применение теоретического знания расширяется по сравнению с эмпирическим. Построение теории выступает как некоторый конечный результат, завершение процесса познания. <...> На теоретическом уровне знание приобретает действительно общий характер и стремится дать истину во всей конкретности и объективности её содержания» [5, с. 196]. Теория не может быть некой совокупностью разрозненных абстрактных суждений. «Созидание конкретного в мышлении – цель познания на теоретическом уровне, для реализации её оно использует все средства, в частности аналитические функции мышления» [5, с. 196].

Хотя теория завершает некий познавательный цикл, но она же открывает и новый. Истина как гносеологический идеал имеет процессуальную природу. «...Подлинная объективная истина всегда конкретна, представляет собой развивающуюся систему, которая непрерывно обогащается новыми определениями, выражающими новые стороны, связи объекта» [5, с. 153].

Положения о единстве эмпирического и теоретического уровней научного познания затрагивают центральную проблему современной методологической ситуации в социологии. Отрыв эмпирии от теории ведет к тому, что место последней заступают обобщения здравого смысла, неосознаваемые предрассудки или эмпирические обобщения *ad hoc*.

Эмпирическое и теоретическое не находятся в простом иерархическом соподчинении. Их связь носит диалектический характер, то есть она характеризуется внутренними противоречиями, которые задают самодвижение этих уровней научного познания. Это можно рассмотреть на примере научного факта. Казалось бы, факт можно понимать как результат фиксации состояния того или иного аспекта действительности при помощи научных методов. В этом случае он выглядит как результат эмпирического познания. Однако

П. Копнин показывает, что любой факт – результат взаимодействия эмпирического и теоретического. Он писал: «Поиски чистых фактов, не связанных с теорией и интерпретацией, – это метафизика, не понимающая сущности человеческого познания вообще и его особенностей на современном этапе, в частности. Если очистить факт науки от теоретических построений, на основе которых он добыт и таким образом явился их результатом, то не будет самого факта науки» [2, с. 369]. Однако диалектика факта этим не исчерпывается. Будучи полученным в результате проверки гипотезы, явившейся результатом некоей теории, факт приобретает определенную независимость от них. «Но факт, как форма знания ценен тем, что он всегда факт, всегда сохраняет некоторое содержание, в то время как теории рушатся. Он сохраняет свое значение в разных системах. <...> Фактическое – это знание, вышедшее из одной системы (в том числе и теоретической) и стремящееся к другой, более совершенной системе» [5, с. 228].

Представляется, что современная социология нуждается в диалектизации, и идеи П. Копнина этому могут способствовать. Эта мысль может встретиться с непониманием. Дело в том, что в нашем отечественном контексте диалектика попала в ту часть смыслового поля современной культуры, которая связано с такими понятиями, как «коммунизм», «тоталитаризм», «насилие», «ГУЛАГ» и пр. Это тормозит развитие теоретического мышления в нашей стране. Скажем, Гегелем диалектика создавалась как логика познания саморазвивающегося объекта, который обладает самодвижением из-за внутренних противоречий.

В советской философии возникла идея диалектической логики. Следует отметить, что по своему разворачиванию она была очень противоречивой. В это движение ринулись шарлатаны и приспособленцы, которые думали сделать легкую научную карьеру, не затрудняясь изучением логики как науки. М. Попович в этой связи пишет, что П. Копнин был противником диалектической логики [3]. Мне его позиция представляется более сложной. Действительно, основоположнику школы гуманистической диалектики приходилось писать такое: «Формально-логическая последовательность мысли ни в коем смысле не может считаться пороком» [2, с. 200]. Он вынужден был доказывать, что «...нельзя получить логическое исчисление и в то же время отбросить формально-логический закон недопустимости противоречия» [2, с. 140]. Однако П. Копнин считал необходимым создать диалектическую логику, которую он мыслил как содержательную, а не формальную. Такая логика должна была найти воплощение в системе категорий, которая способна к самодвижению в процессе познания. Он писал: «Материалистическая диалектика является логикой в другом смысле, чем формальная, а, следовательно, она создает иного характера логический аппарат, который функционирует не в качестве логического исчисления. Она берет мышление не как оперирование по определенным правилам знаками (это задача формальной логики), а как процесс создания понятий, в которых дана природа в преобразованной на основе человеческих потребностей форме. Поэтому здесь нужен аппарат не для перехода по правилам от знака к знаку, а от понятия к понятию при отсутствии этих строгих правил» [2, с. 141]. Философ указывал на большую роль в таких условиях интуиции и воображения, эстетических идеалов и моральных установок. Он писал, даже что «в каждом понятии имеется элемент фантазии» [2, с. 243]. Это создаёт опасность ошибок, отлета мысли от действительности, но является и предпосылкой творчества.

П. Копнин создал богатый словарь описания процесса научного исследования. Он писал: «Категориями, характеризующими главные этапы научного исследования, являются проблема, факт, система» [5, с. 224]. О факте и теории как системе мы уже говорили. Остановимся на понимании П. Копниным проблемы. Ему принадлежит популярное определение, которое знает, наверное, каждый ученый: «Проблема – это не просто непознанность, но уже и некоторое знание о ней. Проблема – это не незнание, а знание о незнании» [5, с. 224]. Проблема является выводом из предшествующего знания в модусе долженствования. Она формулируется не просто в виде совокупности суждений, а выступает определенной системой знаний: «Эта система представляет собой совокупность суждений, в центре которого стоит суждение-вопрос. В этом суждении-вопросе и выражено то непознанное, которое нужно превратить в познанное» [2, с. 296]. Из проблемы вырастает гипотеза: «Заканчивается процесс обоснования гипотезы построением некоторой системы знания, в которой заложена потенциальная возможность для развития знания; именно поэтому гипотеза и является мощным орудием исследования. <...> ... Гипотеза как снежный ком обрастает знанием, теоретически оправдывая самое себя» [5, с. 232].

Проблема и гипотеза задают некую позицию восприятия действительности, которая определяет оптику её видения. Постигая мир, особенно в философии и социологии, мы смотрим на него глазами определенного общества. И поэтому в познании важно не только сущее, но и должное, «...бытие и его формы прежде всего исходя из преобразующей деятельности человека» [5, с. 41]. Познание, прежде всего

социальное познание, зависит от позиции его субъекта в общественном процессе. Наиболее богатым будет познание с перспектив становящихся общественных отношений.

Особой оригинальностью отличается учение П. Копнина об идее. Он считал, что именно через идеи знание переходит в практику, через них происходят качественные изменения в самом знании, в способе бытия человека. «Особенность идеи как формы знания состоит как раз в том, что в ней слиты воедино два момента: созданный теорией идеальный объект и план, направленный на его реализацию. Знание, чтобы утвердить себя в мире должно стать идеей» [2, с. 451]. Философ писал: «Идея реализуется в таких основных формах: 1) в научной теории и методе; 2) в художественном образе; 3) в практическом создании нового мира вещей и процессов» [2, с. 436].

Такие интенции методологических поисков П. Копнина весьма созвучны становящемуся третьему типу научной рациональности, который «...характеризуется открытостью, рефлексивной экспликацией ценностно-смысловых структур, включаемых в механизмы и результаты объективно-истинного постижения мира» [39, с. 361]. Вряд ли социологу целесообразно начинать учиться диалектике у Гегеля, хотя современное социологическое прочтение гегелевских текстов было бы весьма желательным. Идеи П. Копнина позволят лучше включиться в современные методологические поиски, характерные для современной науки.

Не все методологические идеи ученого могут быть однозначно приняты. Например, решая вопрос о методе, он пишет: «Любой метод включает в себя познание объективных закономерностей, на основе которых возникают приемы или их система для познания и практического действия. Познанные закономерности составляют объективную сторону метода, возникшие на их основе приемы исследования и преобразования явлений – субъективная сторона его» [2, с. 38]. Здесь сомнение вызывает всеобщность утверждения. Такие методы действительно играют важную роль в научном познании и в его практическом использовании. Открыв тот или иной закон, мы кладем его в основу различных приборов и приборных ситуаций. Но такие методы позволяют фиксировать частные случаи открытой общей закономерности. Однако, несомненно большей ценностью обладают методы, которые способствуют открытию принципиально нового. Они возникают не на основе открытых законов объективного мира, а на основе законов самого познания.

Есть у П. Копнина перспективные, но не додуманные ходы мысли. Рассматривая соотношение диалектического и исторического материализма, философ написал о последнем, что «...он сохраняет своё методологическое значение и для познания вообще, саму природу нельзя понять вне отношения к обществу» [2, с. 69]. Сказано это было по отношению к советскому догматическому историческому материализму. Сейчас исторический материализм в творческой форме развивается в американской социологии. Но дело здесь не просто в историческом материализме, а в отношении философии и социологии. Хотя социология является наукой, но у неё особые отношения с философией: так, в значительной мере она способна прояснить для философии её социальные корни и выступать в качестве метафилософской рефлексии. Это осознание должно вести к пересмотру отношений философии и социологии. На настоящий момент, особенно в отечественной традиции, они определяются дюркгеймовской максимой, согласно которой социология «...должна довольствоваться тем, чтобы быть просто социологией. <...> Социологии не следует принимать сторону какой-нибудь из великих метафизических гипотез» [38]. Сохранение такого положения в условиях пересмотра самих оснований науки может только сдерживать развитие социологии. Необходимо новое тесное партнерство социологии и философии. Диалектизация социологической методологии позволит ей адекватно ответить на вызовы Второго модерна, кризисных процессов и гибридной войны. Идеи П. Копнина здесь могут выступить надежным подспорьем.

Заключение

Современный социальный мир утратил стабильность, преисполнился рисками и опасностями. Зигмунт Бауман пишет о современном обществе: «...В нём всякое может случиться и все может быть сделано, но ничего не может быть сделано раз и навсегда, и при этом, что бы ни случилось, все приходит и уходит без предварительного уведомления» [41, с. 109]. Эта ситуация Ульрихом Бекон и Зигмунтом Бауманом была осмыслена как перелом в развитии модерна, как переход от Первого модерна ко Второму [42].

От социологии эта ситуация потребовала пересмотра не просто методов и техник получения первичной информации о состоянии общества, а изменения всей её методологической конструкции. Старый каркас социологического дискурса задается понятиями, которые сформировались в период становления первого модерна (индустриального общества). Он связан с методологическим национализмом, ибо предполагает, что референтами основополагающих социологических категорий (социальная группа, класс, нация, институт и т.д.) являются объекты, эмпирически фиксируемые в рамках

национальных государств. Последние воспринимаются как некие «контейнеры», то есть относительно замкнутые системы.

Сохранение такой картины методологической реальности делает невозможным понять изменяющийся социальный мир. Социология должна преобразовать сам строй своего дискурса, выработать его новую категориальную сетку.

В этой связи особую актуальность приобретают идеи советского творческого философского марксизма (П. Копнин, Э. Ильенков, В. Иванов и др.). Они демонстрируют свою эвристичность в условиях социальной неопределенности. Их диалектические концепции, базирующиеся на единстве диалектики, логики и теории познания, позволяют анализировать противоречия, катастрофы, процессы качественных переходов. Для перестройки методологии социологии особое значение имеют работы П. Копнина, которые могут способствовать её диалектизации и быть подспорьем при восстановлении единства познавательного процесса в её рамках.

Литература:

1. Копнин П.В. Вопросы развития конкретных социальных исследований // Павел Васильевич Копнин. Диалектика, логика, наука. Сборник статей. – М. : Наука, 1973. – С. 393 – 404. [АН СССР. Институт философии].
2. Копнин П.В. Философские идеи В. И. Ленина и логика / Павел Васильевич Копнин. – М. : Наука, 1969. – 483 с.
3. Попович М.В., П. В.Копнин: человек и философ / Мирослав Владимирович Попович // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. В 2-х кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. 2. 60 – 80-е гг. – М. : РОССПЭН, 1998. – 768 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://texts.news/filosofii-istoriya-knigi/filosofiya-konchaetsya-istorii-otechestvennoy496.html>
4. Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологического исследования / Павел Васильевич Копнин. – М. : Наука, 1973. – 324 с.
5. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки / Павел Васильевич Копнин. – М. : Мысль, 1974. – 568 с.
6. Копнин П.В. Проблемы диалектики как логики и теории познания: Избранные философские работы / отв. ред.: В.А. Лекторский / Павел Васильевич Копнин. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
7. Сухотин А.К. Павел Васильевич Копнин – основатель томской школы методологии науки / Анатолий Константинович Сухотин // Труды всероссийского философского семинара молодых ученых им. П.В. Копнина (сессия I). – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2002. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000158690/SOURCE1
8. Павел Васильевич Копнин / под ред. М.В. Поповича. – М. : РОССПЭН, 2010. – 295 с. [«Философия России второй половины XX века»].
9. Буров В.Г. Рец. на кн.: ЛИ ШАНДЭ. Марксистская философия в Советском Союзе в двадцатом веке. Пекин : изд-во Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ. – 2009. – 516 с. (на кит. языке).
1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=599
10. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. Учебное пособие / Вячеслав Семенович Стёпин, Виталий Георгиевич Горохов, Михаил Александрович Розов. – М. : Изд-во: Гардарики, 1999. – 400 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://royallib.com/read/styopin_vyacheslav/filosofiya_nauki_i_tehniki.html#0
10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура /Роберт Мертон / пер. с англ. – М. : АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 880 с.
11. Stevens S.S. On the Theory of Scales of Measurement / Stanley Smith Stevens // Science, New Series, Vol. 103, No. 2684 (Jun. 7, 1946), pp. 677-680 [Electronic resource] – Access mode: <http://www.jstor.org/stable/1671815>
12. Батыгин Г.С. Ремесло Пауля Лазарфельда: введение в научную биографию / Геннадий Семёнович Батыгин // Вестник АН СССР. – 1990. – № 8. – С. 94-108.
13. Загальнонаціональні опитування exit poll: Парламентські вибори – 1998. Президентські вибори – 1999. Парламентські вибори – 2002. – К. : Заповіт, 2002. – 120 с.
14. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Даниел Белл / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 2004. – 944 с.
15. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. Учебник для студентов гуманитарных ВУЗов и аспирантов / Геннадий Семёнович Батыгин. – М. : Аспект-Пресс, 1995. – 286 с.
16. Гоулднер А. Наступающий кризис западной социологии / Алвин Гоулднер / Пер. с англ. – М. : Наука, 2003. – 575 с.
17. Berger P. A far glory: the quest for faith in an age of credulity / Peter L. Berger. - New York: Free Press ; Toronto : Maxwell Macmillan Canada ; New York : Maxwell Macmillan International, 1992. – 218 p.

18. Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. наброски на макросоциологические темы / Георгий Матвеевич Дерлугьян. – М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. – 400 с.
19. Симончук Е. Тематические кластеры современного классового анализа / Елена Владимировна Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2016. – №2. – С. 3 - 25.
20. Keim W. Counterhegemonic currents and internationalization of sociology. Theoretical reflections and empirical example / Wiebke Keim // International Sociology. – January 2011. – Vol. 26 (1). – P.p. 129 – 138.
21. Мартынюк И. Камо грядеши, українська академічна наука? Рец.: Габович О, Кузнецов В, Семенова Н. Українська фундаментальна наука і європейські цінності / Відп. ред. Кузнецов В. – К. : Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2015. – 208 с. / Игорь Орестович Мартынюк // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2016. – №2. – С. 208 - 216.
22. Петрушина Т. Соболева Н, Чепурко Г. Общественное мнение о роли науки в украинском обществе / Татьяна Олеговна Петрушина, Наталья Ивановна Соболева, Гульбаршин Исаковна Чепурко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2016. – №2. – С. 81 - 101.
23. Кононов І.Ф. Соціологія в умовах кризи і війни: проблема методологічної спроможності / Ілля Федорович Кононов // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки / ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка. – №5 (302), травень 2016. – С. 5 - 55.
24. Малыш Л. Правила и принципы социологического анализа / Лина Александровна Малыш // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2016. – №1. – С. 65 - 82.
25. Лобанова А.С. Соціальна мімікрія в умовах кризи та гібридної війни: пошук емпіричних показників / Алла Степанівна Лобанова // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки / ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка. – №5 (302), травень 2016. – С. 55 - 71.
26. Полулях Ю.Ю. Мемплекси окупованої реальності / Юрий Юрьевич Полулях // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки / ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка. – №5 (302), травень 2016. – С. 163 - 192.
27. Петренко О.С. Функціонування соціальної інформації в умовах гібридної війни / Ольга Сергіївна Петренко // Вісник Луганського національного університету ім. Тараса Шевченка. Соціологічні науки / ДЗ ЛНУ імені Тараса Шевченка. – №5 (302), травень 2016. – С. 193 - 208.
28. Рущенко І. П. Російсько-українська гібридна війна: погляд соціолога / Ігор Петрович Рущенко. – Харків : ФОП Павленко О.Г., 2015. – 268 с.
29. Грушин Б.А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения / Борис Андреевич Грушин. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. – 400 с.
30. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования / Владимир Александрович Ядов. – М. : Академкнига ИКЦ, 2003. – 596 с. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/sociol/soc038.htm>
31. Докторов Б.З. Мир Владимира Ядова: В.А. Ядов о себе и его друзья о нем / Борис Зусманович Докторов. – М. : Радуга, 2016. – 116 с.
32. Маркс К. наброски «Гражданской войны во Франции». Коммуна / Карл Маркс // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. – Т. 17. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1960. – С. 497-616.
33. Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? / Владимир Ильич Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. – Т. 1. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. – С. 125-346.
34. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм / Владимир Ильич Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 18. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – 525 с.
35. Луппол И.К. Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции. Изд. 3-е. / Иван Капитонович Луппол. – М. – Л. : Государственное издательство, 1930. – 303 с.
36. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии / Николай Иванович Бухарин. – 5-е изд., (стереотип.). – М. – Л. : Гос. изд-во, 1928. – 390 с.
37. Дюркгейм Э. Метод социологии // Эмиль Дюркгейм Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с. (История социологии в памятниках). – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://library.khpg.org/files/docs/1372596651.pdf>
38. Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы / Вячеслав Семенович Степин. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.
39. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Рэндалл Коллинз / пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
40. Бауман З. Индивидуализированное общество / Зигмунт Бауман / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
41. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М. : Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с.